

Профессор Сергей Алексеевич Голубков – один из зачинателей исследовательского проекта провинциальной культуры в Самаре 1992 года, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы в СамГУ, автор многочисленных работ и публикаций [25, 26, 28]. Концепция «маркеров города», предложенная профессором С.А. Голубковым для данного проекта, является одной из ключевых для дальнейшего исследования города в межпредметном, философско-культурологическом аспекте.

3.4. Диагностика города и маркеры

3.4.1. Социокультурные институты города как маркеры

«Если голос бытия, который был услышан философией, был только голосом истины... то культура благодаря границе придает бытию многоголосие, бытие разделяется и теперь разное бытие имеет собственный голос, голос имени, голос своего определения... Отсюда и вытекают возможные измерения пространства города – это выделение его различий, меры различного в городе, разные голоса территорий города» [51, с. 170]. Разные голоса происходят от разности видов городских пространств и действующих в них субъектов. Каждый вид пространства выражает себя в той или иной деятельности, с различными целями и задачами, формами саморепрезентации городского субъекта (или их полным отсутствием), модусами бытия и др.

В альманахе 2012 года «Город и время» была помещена статья С.А. Голубкова «Маркеры городского пространства, их смысл и функции» [27]: маркеры

определились как визитные карточки города, как опознавательные знаки, как «каркасные» типы социальной коммуникации.

Идея «опознавательных знаков» города использовалась и ранее. Ю.М. Лотман писал, что город «обозначается», прежде всего, «через биржу, суд, театр, базар».

Концепция Ю.М. Лотмана о «бинарной» и «тернарной» системах в русской культуре включает указания на институты, которыми обозначен город и его пространственно-временная система.

В созданной О.Б. Леонтьевой и З.М. Кобозевой совместно «Программе по истории русской культуры» (СамГМУ, 2013) также используются категории «бинарности», по Лотману и Ахиезеру.

Вернемся к «маркерам города». Для русской культуры город без театра – не город. Театр – важнейший маркер городской культуры России. С середины XIX века растущее городское сообщество идентифицирует себя

У Ю.М. Лотмана весь современный гуманитарный мир заимствовал множество идей, которыми живут с юности и до старости: «семиосфера», «знаки и значения», а потом – «гибридизация культуры» и «борьба города с самим собой». Нашему изданию Ю.М. Лотман, можно сказать, подарил название альманаха – «Город и время». Мы так внимательно изучали эту тему, привлекли столько российских и зарубежных авторов, так прониклись его идеей «борьбы города с самим собой», что он бы нам разрешил эту цитату.

Профессор, доктор исторических наук О.Б. Леонтьева – автор фундаментальных работ по русской истории и культуре. Доцент, кандидат исторических наук З.М. Кобозева – автор уникальной монографии о мещанстве Самары [49].

именно с театром: горожане там встречаются и общаются; грубая публика в театр не ходит.

Т.С. Злотникова, на статьи которой мы неоднократно ссылались, цитирует А.П. Чехова: «Чехов вообще достаточно явственно подразделяет города на те, где театр есть (Тула, Воронеж), и те, где театра нет (Владимир). В его иерархии «театральных» городов высокое место занимает, к примеру, маленький Елец, куда не только в жалком третьем классе с пристающими купцами едет Нина Заречная, но чуть ли не как в театральную Мекку стремится, мечтает съездить опытный старик-актер (А. Чехов. «После бенефиса»)» [39, с. 41].

Историки культуры показали, что город эпохи Возрождения стал сам собою, когда в нем появились новые институты: музей или опера. Они обозначали «выход из церкви», как писала В.Д. Конен [52]. Сакральное пространство церкви, иконы и ритуальная атрибутика становились секулярными в музее или опере. По датам и месту появлению музеев, концертных и оперных залов в европейских городах можно судить об интенсивности секулярных процессов в городе.

Как пишет Е.В. Дуков, концертное создавало новую картину мира: «Сопоставив известные историкам даты возникновения первых концертных предприятий Европы, можно увидеть, что регулярная концертная жизнь ранее всего возникает в государствах, общественное устройство которых допускало существование сравнительно развитых демократических институтов» [33].

Исследование маркеров С.А. Голубковым также указывает на социокультурные институты и описывает, как они выглядят, звучат или как измеряются временем. Правильно «прочитав» маркеры города, можно быстро идентифицировать специфику города (город-порт, город – место паломничества, наукоград и т. п.), ключевые интересы, вокруг которых вращается вся жизнь города или его отдельных страт (церковь, театр, торговый

центр и др.), в них же «хранится» прошлое, цели и интересы, которыми жили. С.А. Голубков описывает разнообразные варианты городских маркеров, к которым относит здания, тип планировки города, простор улиц (или его отсутствие), звуки окружающего пространства и др.: «Выступая самостоятельным целым, город имеет свой набор ценностей подлинных и мнимых, свою шкалу их измерения. Будучи единой знаковой системой, город имеет несколько смысловых доминант: Храм, Парк, Музей, Театр, Университет. Перечисляем их не по степени той или иной значимости, а по степени их общего распространения.

Но, кроме этого, есть еще специфические маркеры городского пространства, позволяющие дифференцировать города по их административному, экономическому, историко-культурному, сакральному статусу: столица; портовый город; моногород при заводе или руднике; город с былой многовековой славой, ставший ныне музеем, туристической Меккой (например Суздаль); город, приобретший сакральный смысл и превратившийся в место паломничества богомольцев (например Сергиев Посад с его Троице-Сергиевой лаврой). К таким маркерам можно отнести соотношение вертикальных и горизонтальных линий в общем силуэте города; геометрические элементы городской планировки (например московские «кольца», стягивающие, собирающие вокруг себя пригороды, соседние губернии; петербургские прямолинейные проспекты, выводящие вовне – к балтийским водам, к европейским горизонтам и т. д.); значимую оппозицию тесноты и простора; приметы опасности, таящиеся в городских пространствах; наконец, своеобразное «минус-пространство», намекающее на утраты целых сегментов городской среды (снесенные здания, исчезнувшие улицы, переулки, площади)» [27, с. 152-153].

«Городское пространство постоянно напоминает о себе разнообразными звуками. «Набор» таких звуков – по сути, тоже вполне конкретный маркер пространства. Пароходные гудки, удар причального колокола,

крики речных чаек, скрип дебаркадера, пронзительный лай взбалмошной собачонки на берегу, тарахтенье приподнявшейся моторной лодки на уснувшей реке – все это неизбежно напоминало проезжему человеку, оказавшемуся в ночной Самаре, о близости Волги, о специфическом мире «русского Нила». Или другое – звуки вокзала, рыночной площади, заполненного машинами шоссе. Тревожные sireны пожарных и милицейских машин, «скорой помощи». Шелест троллейбуса, чуть-чуть оседающего набок. Говор толпы. Переливы-перезвоны бесчисленных могильников. Звончек маленького велосипедиста. Гитарные переборы во дворах. Стук костяшек в стареньких двориках и редкие возгласы забивающих «козла». Из всех этих разнородных элементов складывается звуковой образ города. Этот образ не абстрактен, он исторически узнаваем, он отражает ту или иную эпоху. ...Маркером городского пространства могут стать приметы физической тесноты или, напротив, широкого простора (в этом отношении улочкам, переулкам и тупичкам старой Москвы противостоял захватывающий дух простор петербургских проспектов и набережных) [27, с. 154].

В этом же направлении движется логика Зигмунда Баумана, который ищет в городе «общественные цивилизованные места» как пространство взаимодействия в противоположность «общественным нецивилизованным местам», побуждающим только к действию [10, с. 105].

Однако согласимся, что описать все городские маркеры невозможно. Это так же, как описывать все деревья в лесу, не видя за деревьями леса. Это вопрос отбора и интерпретации: кто будет отбирать, систематизировать и диагностировать? кто будет задавать параметры и синтезировать? Научная работа немыслима без таланта и концепции.

3.4.2. Художник как диагност города

Известная тема «гении места», «город – культура – жанр» приобретает в контексте хронотопа города новые повороты: «художник – создатель городских пространств», «искусство – альтернатива города» и множество иных, свидетельствующих о глубинных связях пространства-времени города и искусства.

Не претендуя сейчас на обзоры, напомним о гениальных пространственно-временных построениях Достоевского, отрафлексированных М.М. Бахтиным: маленький Скотопригоньевск в «Братья Карамазовых» и весь мир, от обыденности к бытию.

В великом сочинении XX столетия М.А. Булгакова четко просчитана архитектура пространства-времени: Москва 1930-х и Иерусалим времен последней Пасхи Иешуа Га-Ноцри. «Не всякому суждено быть творцом, и само творение не имело бы смысла, если бы не находились ученики, то есть люди, готовые, в меру своего понимания, нести слово истины дальше в мир» [58]. События романа развиваются в Страстные дни: в Иерусалиме, в страшные дни распятия Христа и торжества зла. Зло торжествует и в Москве, на балу у Воланда. Но в пасхальную ночь, в самую чудную ночь года, когда весь мир словно замирает в ожидании, покой получают все участники трагедии. По М. Бахтину, перекрестные хронотопы «перпендикулярных миров» вовсе не являются описанием реальных городов и маршрутов экскурсий. Это мощнейший философский анализ «перпендикулярных миров», в основе которых лежит «человеческая ответственность».

Маркеры города предполагают дальнейшую интерпретацию или то, что некоторые авторы называют «диагностикой города», то есть выявлением сущностных качеств городского сообщества в прошлом, настоящем и будущем.

Сошлемся еще раз на специфический опыт В.П. Аксёнова, обращавшегося к диагностике Самары в 1990–2000 гг. «Образ Самары предстает

в ряде сочинений выдающегося писателя. Распознавание и диагностика изменений российских городов в постсоветском пространстве вообще была заметной целью для него. Человек заново видит родные города после странствий. В этом реализовались его органические задачи как находящегося в бесконечном транзите человека, который после долгого отсутствия стремился понять перемены, произошедшие в Отечестве; в этом были его задачи как романиста и аналитика. В этом, наконец, было его духовное алиби – много пережившего и счастливо спасшегося» [18, с. 8]. Самара трактуется как типичный город, переживший все метаморфозы российских городов в XX – XXI веках. Сочувствуя катаклизмам, пережитым городом и горожанами в начале XX века, писатель не принимает героев постсоветского, «лихого» времени.

В 1997 году появился его же роман «Новый сладостный стиль», который отражал новые лица российской жизни в контексте других городов и стран. Самара еще раз попала на страницы романа. Его хронотоп, привязанный к сугубо современным событиям 1990-х годов, одновременно повернут в прошлое. Одна из стержневых, фабульных линий – заказ генеалогического древа некоей семьи Корбах. Героя забрасывает в том числе в Самару, он перебирает старые фотографии: восхищается европейскими лицами дореволюционных интеллигентов, прослеживает судьбы своих героев в Куйбышеве в тяжелые военные годы. Писатель не может принять только «новых русских» – «старых комсомольцев». Мир постсоветской «прихватизации» ему совершенно чужд, рассматривает ли он его в Самаре, Нью-Йорке или в Москве.

«Двоевремя» великого художника на фоне провинциального города – один из сюжетов большого фрагмента о «гениях места», которые создают городские пространства и диагностируют город с их учетом. Разумеется, мы помним и чтим фундаментальную и многое нам открывшую книгу П.Л. Вайля «Гений места». Герои ее подробных культурологических

эссе – Андерсен и Питер де Хох, Маккиавелли и Борхес, Бродский и Чаплин – помещены на городскую сцену Копенгагена, Амстердама, Флоренции и многих других городов мира. Вайль связал наши книжные знания о мировой культуре с пространствами самых знаменитых городов мира.

Панорама великих городов мира в книге П. Вайля «Гений места» строится на базе безупречного знания и эрудиции, а также свободного, ироничного сопоставления пространств: голландцы XVII века и песня советских времен «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»; дворики Амстердама, созданные не Рембрандтом и Хальсом, а Питером де Хохом, где кирпичи прорисованы как лица членов Государственного совета на картине Репина, и т. д. Хронотопия, охватывающая не только городские, но и разнообразные художественные и повседневные пространства, дает замечательный диагности-

Петр Львович Вайль (1949–2009) – автор замечательных книг, связанных с переоткрытием мира в постсоветское время, и в том числе с постижением образа города и диагностикой городских пространств. Выдающийся ученый-гуманитарий и мастер свободной эссеистики совместно со своим многолетним соавтором А.А. Генисом, а также и отдельно от него создал несколько мощных пространств. Назовем такие книги П. Вайля и А. Гениса, как «60-е. Мир советского человека», «Родная речь», а также книгу П. Вайля «Гений места».

ческий эффект. Города, представленные Петром Вайлем, становятся узнаваемыми и родными.

Мы полагаем, что сопоставление культурных пространств из разных временных точек (современники, локальная биографическая точка и оценки через несколько десятилетий, открытие закрытых записей, адресованных будущему, и т. п.), сходящихся как ручьи, реки в океан, позволяет понять неоднородность хронотопа города.

Следующий сюжет, к которому мы обращаемся и на изучение которого было потрачено много усилий, связан с пребыванием в Куйбышеве (Самаре) великого композитора Д.Д. Шостаковича в годы Великой Отечественной войны. «Шостакович в Куйбышеве» представлен столь же хрестоматийным, сколько и меняющимся на наших глазах. Сюжет дает дополнительные нити к пониманию не только «двоемирия», но и «двоемыслия», бытия одновременно в разных временах и пространствах: в провинциальном городе и в глобальном мире; в социальном и личном времени. Это уже не столько музыковедческая, сколько философская проблема, интересная также в контексте темы «художник как диагност города».

Фактическая сторона драматичного историко-культурного коллажа хорошо известна и многократно описана. Великий композитор Д.Д. Шостакович жил больше года в «запасной столице» (с октября 1941 по март 1943 гг.), здесь состоялась легендарная премьера его Седьмой «Ленинградской» симфонии. Отсюда, с военных аэродромов «запасной столицы», улетали самолеты с «тайным грузом» в Америку, Скандинавию. Партитура Седьмой симфонии, отправленная в тяжелейшие дни 1942 года из Куйбышева, воспринималась именно как возможность важнейшего поворота общественного мнения в пользу воюющей Советской России. Имиджевый потенциал был использован в полной мере. Выдающиеся дирижеры мира стояли, что называется, «в очередь» за правом исполнения симфонии Шостаковича. В Лос-Анджелесе это право получил Артуро Тосканини как выдающийся дири-

жер и известный антифашист. Исполнение под его управлением состоялось под открытым небом: ни один зал не мог вместить 30 000 слушателей. С 1942 года ни один год не был пропущен в столице Калифорнии – обязательно звучит под открытым небом Седьмая симфония Шостаковича.

Куйбышев не был особенно значимым для Шостаковича как городское пространство. При первой же возможности, в середине 1943 года, он уехал в Москву, где был гораздо хуже устроен, голодал и вновь заболел: «сичу с очажком, у очажка». После полутора лет эвакуации ему была необходима среда для общения. В провинциальном городе он остро ощущал свое одиночество, несмотря на предельную занятость. Ему остро не хватало близких друзей и собеседников: Соллертинского, Гликмана, Шебалина. Одиночество великого художника среди людей – уже диагноз городу.

Письма к друзьям, написанные Шостаковичем в куйбышевской эвакуации, оказались в полной мере доступными только в 1990-е годы [Соллертинский, 1990; Гликман, 1993]. В годы войны они подвергались цензуре и считались опасными. В этих коротких письмах постоянно мелькают плоды двоемыслия. Например, в письме И. Гликману: «Скоро победа, и мы вновь заживем под солнцем сталинской конституции» [20].

Вместе с тем Куйбышев, как и другие места, в которых жил Шостакович, стал «местом гражданской ответственности». Будучи фантастически трудоспособным и граждански настроенным человеком, Шостакович необыкновенно много сделал для своего куйбышевского окружения – учителей музыкальной школы, работников радиокомитета. При его непосредственном участии организовывались концерты в радиусе тысячи километров. Ответственность и отзывчивость не позволяли ему отказать обращающимся с просьбой о помощи в получении пайка, путевки или документов. Писал, ходил в обком, просил за людей.

Обстоятельства благоволили ему в Куйбышеве: «мировая премьера» и ее резонанс, вызволенные благодаря его известности гораз-

до раньше других из блокадного Ленинграда родственники и ученики, сначала относительная бытовая устроенность, а потом и получение большой квартиры в самом уважаемом доме города и многое другое.

Д.Д. Шостакович в годы Великой Отечественной войны был, несомненно, проникнут огромным чувством сопричастности к трагедии народа. Вслед за А.А. Ахматовой он мог бы повторить: «Я была тогда с моим народом там, где он, к несчастью, был». Не только как автор, но и как патриот он подталкивал одну из крупнейших «пиар-кампаний» XX века, связанную с премьерой его Седьмой симфонии 5 марта 1942 г. в Куйбышеве, 29 марта 1942 г. в Москве, а потом и легендарным исполнением ее в блокадном Ленинграде 9 августа 1942 г., ставшим мифом, фильмом, страницами учебников и темой на все времена для СМИ.

Параллельно великого мастера переполнял страх перед немилостью, доводивший его до судорог и приступов. Его изводила ненависть к тирану после памятных событий 1936 года. Он не мог остановить неукротимое желание записать и передать самым близким друзьям свои «шифровки». Он параллельно писал в военном Куйбышеве «явные» и «тайные» произведения, заказные и дневниковые тексты.

Гениальное произведение стало «со-бытием», совпадением и утешением душ. Премьера объединила всех. Сначала – музыкантов, потом Союзинформбюро, а далее послов иностранных государств и членов сталинского правительства, которые были эвакуированы в центр России, на берега Волги. Первые отклики – в «Правде», где была опубликована статья А.Толстого, в лондонской «Таймс», позже в американских журналах и газетах – были не просто выполнением профессионального долга, но и выражением общего воодушевления и патриотизма. Эта ангажированность попала в хорошо отлаженную пропагандистскую машину, покатила по стране, была раскручена за рубежом.

В 1941 году, будучи уже в Куйбышеве и пользуясь своим знакомством с известной партийной деятельницей Р. Землячкой, Шостакович сумел выслать вызовы для эвакуации из блокадного Ленинграда не только матери, сестре, ее детям и мужу, но также своему ученику по консерватории Дмитрию Толстому. Все они благополучно добрались до Куйбышева, и это было огромное облегчение. Поселились вместе, в квартире по улице Фрунзе, 185.

С этим фактом связана малоизвестная «пространственная деталь». Здесь на расстоянии одного квартала оказались дом, где жил в эвакуации Шостакович, и старая городская усадьба, в которой прошло отрочество писателя Алексея Толстого, – он жил здесь вместе с матерью, урожденной Тургеневой, и отчимом Бостромом, просвещенным провинциальным интеллигентом.

Алексей Николаевич Толстой приехал из Ташкента в Куйбышев в декабре 1941 года. Он

Е.Я. Бурлина являлась проектантом и соавтором альманаха «Самарское приношение. Шостакович: 100 лет». 8 мая 2006 года альманах был представлен в Бонне, в российском генеральном консульстве. Замысел этого проекта и связанные с ним события описала талантливая журналистка и музыковед Лариса Крылова в статье «Важно, чтобы тебе доверяли», опубликованной в журнале Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова (Крылова Л. Чтобы тебе доверяли. – Режим доступа: http://www.conservatory.ru/files/11-13_musicus_07.pdf). Мегасобытие, посвященное Шостаковичу и собравшее видных политиков, ученых и бизнесменов, позволило продвинуть интернациональный имидж Самарской области.

привез продукты и бесконечную благодарность: без Шостаковичей его 18-летний сын Дмитрий, больной, неприспособленный к жизни молодой композитор, точно бы погиб в голодном Ленинграде.

Разговаривать в квартире, где проживало 18 человек, было невозможно. Вероятно, композитор и писатель вышли на улицу и прогулялись по улице Фрунзе, бывшей Саратовской. До дома, в котором прошло отрочество писателя, как мы уже заметили, был буквально один квартал. Узнали писатель кусочек своей родной улицы, екнуло ли его сердце у дома, в котором умер его любимый отчим? Этого мы никогда не узнаем.

Но вот что определено: в эти дни А.Н. Толстой задумал свою знаменитую статью для газеты «Правда», в которой рассказал о необыкновенных репетициях симфонии Д.Д. Шостаковича, о вдохновении всех участников премьеры – от самого автора до дирижера С.А. Самосуда и оркестрантов. Слова писателя о том, что эта музыка выражает мощь русского характера, стали камертоном для последующих оценок. А.Н. Толстой писал: «Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебаний смертный бой с черными силами» [Цит. по: 80].

Вслед за Седьмой симфонией, ровно в те дни, когда еще шли напряженные репетиции и стремительно готовились премьеры в разных городах страны и зарубежья, когда мир уже был оповещен о появлении «великого сочинения великого сына великого народа», Шостакович завершил вокальный цикл на тексты английских поэтов У. Ралея, Р. Бернса и В. Шекспира. В письмах к И. Соллертинскому и И. Гликману он информирует их о новом сочинении и обсуждает посвящения. Самый первый романс, молитву об избежании участи быть повешенным, он посвятил сыну Максиму, тогда 4-летнему ребенку.

Подобное двоемыслие – вынужденное внешнее подчинение и внутренний протест – описывает, например, известный немецкий профессор-лингвист Виктор Клемперер, спасший свою душу и жизнь в годы

фашизма, как считал он сам, благодаря дневниковым записям об ЛТ1 – лингвистических изменениях немецкого языка. Сошлемся также на принятое немецким ученым К. Паппом философское осмысление двоемыслия в Германии на материалах дневников Томаса Манна и того же Виктора Клемперера.

Представляется, что в любом тоталитарном обществе, хотя бы периода Средневековья, наступления Контрреформации и многих других, наблюдается феномен двоемыслия. Справедливо, что в XX веке эти процессы приняли массовый характер. Известный эпизод из фильма режиссера Г.Н. Данелия «Кин-Дза-Дза», когда землянам вешают на лицо собачий намордник и требуют радоваться, был бы понятен выходцам из разных эпох и стран. Ю.А. Левада делал вывод на основании эмпирических исследований, что именно в советском обществе двоемыслие становится тотальным, ничем не ограниченным. В первую очередь «школу двоемыслия» проходили элитарные слои.

Для темы нашего исследования – хронотопия города и полифония городских пространств – важным является следующее: в тоталитарных обществах единственным местом для самовыражения становится приватное пространство («кухня», «письмо к другу», «ночной дневник» и т. п.), тогда как официальное пространство оказывается потерянным («власть», «собрание», «парламент», «свободное слово» и т. п.).

Обратим внимание и на то, что в социальной коммуникации подобного типа категорически меняются смыслы времени: «чужое время», «страшное время» или «время великих свершений», «время великих побед». Феномен двоемыслия, как справедливо пишет Д.Г. Горин, приводит к типичному для сталинской культуры принципу кодирования времени, «в котором различие прошлого, настоящего и будущего характерным образом смещалось» [29].

Таким образом, одним из модусов «хронотИпии» может быть потеря социального пространства и коммуникации. Приватное, камерное про-

странство, прогулка по улице, письмо к друзьям или зашифрованный дневник становилось единственным местом для идентификации. А для людей искусства и науки было еще и глобальное пространство наследий: отсюда обращение к Гамлету, Шекспиру, античной философии или истории естествознания, которые и были невысказанным самовыражением.

Ч.Т. Айтматов, который был близок с Шостаковичем в последние его годы, считал, что «двоемыслие» Шостаковича было сохранением миссии искусства для будущего. Писателю показались адекватными такие сравнения двоемыслия, как «тайная вера», «белые одежды», «двоевремя».

В бывшей «запасной столице», обыкновенном индустриальном городе на Волге (вернувшись к своему первоначальному имени Самара в 1992 году), встреча времен отмечена в том числе и тем, что бункер Сталина находится на улице Шостаковича. Парадоксально. В городских мифах это противоречие не было замечено и не проросло. В философских и музыковедческих исследованиях названные повороты темы «белых одежд», «двоеосмысливания» и «двоемыслия» вызывают огромный интерес.

Рядом с крупными волжскими городами, про которые мы не забываем, есть множество важных индустриальных городов, входящих в ПФО – Приволжский федеральный округ. Они нередко также именуют себя «столицами»: автомобильная столица Тольятти, газоперерабатывающая столица в Кстове, что недалеко от Нижнего Новгорода, индустриальная столица – старинная волжская Сызрань. Даже малый город Похвистнево Самарской области именуется нефтяной столицей Самарской области.

В этом списке достойное место занимает индустриальный город Новокуйбышевск, который славен не только своей востребованной в мире нефтяной продукцией, но и театром, признанным в большом театральном мире. Театр в Новокуйбышевске называется «Грань» – как грань города, жизни, бытия, или более строго: «Театральное пространство как содержательная грань городской среды» [63]. Выбор новокуйбышевского театра в

контексте пространственно-временного анализа города представляется важным примером. В числе пространственно-временных инвариантов есть и такой: театр как альтернативное пространство города; театр как «антимаркер» города. На примере авторского театра-студии «Грань», созданного Э.А. Дульщиковой, можно указать на «содержательную оппозицию окружающей среды и созданной ею (Э.А. Дульщиковой – наш комментарий) театральной атмосферы» [63, с. 134]. Эта оппозиция и позволяет человеку найти спасение от давящей на него атмосферы слишком холодного, безразличного к человеку рационализованного и механизированного городского пространства.

Статья о театре в индустриальном Новокуйбышевске написана режиссером Д.С. Бокурдзе совместно с профессором Н.Ю. Лысовой. Оба автора были близко связаны с Эльвирой Анатольевной Дульщиковой. Наде-

Э.А. Дульщикова 40 лет руководила театром «Грань» в Новокуйбышевске. После ее кончины художественное руководство принял Денис Бокурдзе – актер, режиссер и исследователь индустриальной культуры.

Денис Бокурдзе – ученик, последователь и преемник Э.А. Дульщиковой, в настоящее время – художественный руководитель театра «Грань» в Новокуйбышевске. Д.С. Бокурдзе занимается также исследовательской работой, изучает хронологию индустриального города и театра, подготовил ряд исследовательских статей, работает над диссертацией.

жда Юрьевна Лысова – профессор из Саранска, выпускница академии художеств в Санкт-Петербурге, соавтор концепции фестиваля провинциальных театров «ПоМост» – дочь и сподвижница Эльвиры Анатольевны. Актер и режиссер Денис Сергеевич Бокурадзе проработал в театре «Грань» более 15 лет. Дульщикова ставила «на Бокурадзе» спектакли, формировала совместно с ним оформление, труппу, музыку.

Обсуждая место театра в индустриальном городе, авторы отмечают, что «культурный портрет современного города скуден, если в его духовную ауру не включены храмы искусства – музей, театр. Город без них становится достаточно абстрактной структурой, лишенной возможности эмоционального общения, способности говорить. Обитая в пространстве вечных тем, вечных мотивов, театр восполняет человеку несуществующий в действительности чувственный ряд, занимаясь по сути человекотворчеством. Но само по себе размещение и строительство в городе даже самых уникальных музеев, театров, филармонии не приводит автоматически к развитию городской культуры. Необходимость развития системы учреждений, с помощью которых формируется культура, в огромной мере определяется зрелостью среды, интенсивностью духовной жизни горожан, уровнем их образованности. Потребность в театре должна обязательно созреть в недрах культурной среды города» [63, с. 130].

«Театральное пространство живет внутри городского – грань между ними призрачно иллюзорна. «Воля к преображению действительности» объединяет художника и горожан, побуждая к вступлению в творческий диалог. И это не просто диалог на ограниченной театральной территории, это существование театра в пространстве маленького города» [63, с. 134].

3.4.3. «Цена вопроса»

Мы уже цитировали выше профессора Е.В. Дукова, который рассматривает на историческом и современном материале социокультурные институты. Дуков видит в них определенные маркеры, но прежде всего – зеркало демократических процессов в обществе. По его мысли, это также товар, востребованный в той или другой среде.

Среди его работ известны «Урбанизация и развлекательная культура» (1991), «Между обществом и властью» (2002), «Бремя развлечений» (2006), «Ночь как культурологический феномен» (2003, 2005, 2009, 2011), «Развлечение и искусство» (2006, 2008, 2010, 2012) и многие другие.

Альманаху «Город и время» Е.В. Дуков подарил важную и глубокую статью «Городская культура России: новые веяния» [32]. Он начинает с описания «городского духа»: «Город – не только сумма зданий разного назначения, со-

Профессор, доктор философских наук и кандидат искусствоведения Евгений Викторович Дуков – один из зачинателей культурной урбанистики в России (I Международная конференция в Татарстане под эгидой ЮНЕСКО «Культура молодых городов», 1993 г.). Е.В. Дуков является одновременно проищательным исследователем культуры, социологом музыки и организатором профессионального сообщества, он – главный эксперт Союза концертных организаций России и руководитель Гильдии музыковедов России.

единенных дорогами, но и трудноуловимое нечто, которое мы называем духом города. В нашей стране в эпоху социализма вся инфраструктура духовной культуры была связана в основном с административной функцией территориальных поселений. И дух социалистического города был во многом связан с искусством и продуцировался им. Развлечения, в непосредственном смысле этого слова, отсутствовали, как и секс. Их место занимали профессиональные или самодеятельные искусства, объединенные общей культурной политикой. Лучшие из искусств имели «культурные столицы» – Москву и Ленинград» [32, с. 23].

Сейчас центры многих городов «...европеизируются», преобразуются, становятся эстетически привлекательными. Подсветка, свежеевыкрашенные фасады административных зданий и помещений, занятых коммерческими структурами и банками, становятся нормой и способны умилить человека, попавшего-таки вечером в городской общественный транспорт, идущий через центр. Эта картинка предназначена для рассматривания из окна, это своего рода свето-цветовое развлечение. Это не пространство для жизни или общения – к вечеру в помещениях этих сооружений абсолютно пусто, и световая партитура как бы компенсирует отсутствие собственной жизни здания в это время. Приехав в спальные районы города, где темно и чаще неуютно, понимаешь парадоксальное разведение сегментов городского пространства как выставочного комплекса, как своего рода городского (но содержательно пустого!) экспоната и мест реального скопления и жизни горожан.

Впрочем, пустые пространства перемежаются с новыми рекреационными. Так, под видом строительства «культурных центров» идет формирование официозных пространств, призванных отразить статус и притязания местной элиты. А поскольку в Конституции нет прямых обязательств государства развивать и поддерживать культуру (в отличие, например, от образования), «культурный потенциал города» (В. Глазычев) стал функцией

понимания его места местными властями. Слово «понимание», с их точки зрения, имеет три основные позиции, которые, как матрешка, вкладываются одно в другое: чтобы было не хуже, чем у других; чтобы было куда гостей сводить; чтобы с праздниками было хорошо. Понятие «не хуже, чем у других» в норме сводится к разрушению старого города и строительству хаотично, вне общей эстетики, отдельных новых зданий, в которых размещаются конторы, бизнес-центры и т. п., благо доминирующий постмодернизм дает на это право. Проблема приема гостей у местных властей сводится к деятельности профессиональных артистических сил и разнообразным праздникам» [32, с. 23-24].

В названном контексте Дуков выходит на городские праздники, которые стали в первую очередь региональными, а не общегосударственными, как раньше. Причина – коммерциализация, отношение к празднику как к товару. Политическая ситуация как в зеркале отражается в культурной жизни страны: «Столицы, и старая, и новая, оторвались от основных территорий России. Некогда стремившаяся к централизации городская культура рассыпалась. Каждый город начал самостоятельно вести (или не вести вообще) свою культурную политику» [32, с. 24].

Е.В. Дуков, занимавшийся многие годы изучением трансформаций социокультурных институтов, считает эти симптомы тревожными. Он сопоставляет их с такими маркерами европейского развития, как концертное здание, являвшееся прямым инструментом воздействия до тех пор, пока оно подчинялось интересам общества и государства [32].

По мнению А.М. Цукера, реальную диагностику культуры современного города задает массовая музыка. К сожалению, сегодня она имеет высокую коррупционную составляющую.

В статье с выразительным названием «Массовая музыка как образ времени» [84] А.М. Цукер интерпретирует жанры массовой музыки как знаки времени, в нашей же терминологии – как маркеры социальных процессов в государ-

Профессор, доктор искусствоведения А.М. Цукер – один из самых известных музыковедов России, научный лидер Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова, постоянный участник научных конференций в Москве, Киеве и Саранске. Анатолий Моисеевич Цукер новаторски интерпретирует классическую музыковедческую тематику, а также является уникальным экспертом по массовым музыкальным жанрам.

стве и социальные институты в его городах: «Можно констатировать, что в массовых жанрах качественная информация, как правило, доминирует над количественной, поскольку даже при малой плотности и насыщенности музыкального текста в них задействовано множество внемузыкальных факторов, богатый ассоциативный ряд. Именно это и позволяет массовой музыке, всегда мобильной и «деловой», становиться знаком времени и, изменяясь вместе с ним, отражать его социальные, нравственные, духовные запросы и потребности, осуществлять утраченную академической музыкой связь искусства и жизни, пусть не всегда глубинную, но непосредственную. Причем на различных исторических этапах из бесчисленного многообразия разновидностей и жанров массовой музыки выдвигаются те или иные, берущие на себя роль некоей основной модели, своего рода парадигмы, типизирующей устроения времени и породившей их среды обитания» [84, с. 125].

По мысли Цукера, «блатная песня» (радио «Шансон», например) стала respectable участником социальной жизни, как бы экспроприировав чужие культурные пространства и заплатив за свое место немалые деньги. Коммерциализация эстрады никогда не была столь беззащитной в формировании «фабрики звезд», как сейчас. Двойные смыслы, коррупция загнали в «андеграунд» вполне креативные течения и явления массовой музыки.

Со сменой эпох меняют свои характеристики социальные институты, что приводит к потере ими своих функций: «Театры, ставившие и показывавшие премьеры, которые давали какую-то степень выхода из строго регламентированных советских рамок, сыграли роль своеобразных инкубаторов свободы» [24, с. 58]. Но после распада СССР жизнь театров меняется: «Начался распад или коммерциализация традиционных для Куйбышева культурных оазисов: театра оперы и балета, киноиндустрии (киностудии, кинопроката)» [24, с. 58].

Формы коммерциализации, происходящей в театрах, концертных организациях и цирках, Е.В. Дуков называет «фестивализацией». Он пишет: «Фестивальные проекты быстро вытесняют простую театральную, концертную т. п. афиши. Многие из фестивалей становятся традиционными, и с каждым годом список этот расширяется. Фестивальную афишу начинают дополнять музеи, парки культуры и отдыха, для которых это, строго говоря, непрофильная деятельность. Фестивали на 50 тысяч долларов быстро сменились фестивалями на 200 тысяч. А сейчас то тут, то там слышишь о подготовке фестивалей с бюджетом в миллион долларов. Поволжье импортировало идею «передвижных столиц», что позволяет включать ранее скрытые культурные пласты в культурный потенциал городов. Заработал на Волге молодежный межвузовский симфонический оркестр. Только в Самаре и лишь в три летних месяца пройдет 11 только молодежных фестивалей с диапазоном цен от 500 до 1500 руб. за концерт!» [32, с. 24].

И еще одно направление диагностики волжских городов, теперь уже через изобразительное искусство и жанр городского пейзажа.

Н.Ю. Лысова подчеркивает важность реки для образа волжского города: «Единственный маршрут, постоянно вызывающий неподдельный интерес, связан с Волгой и ее старинными городами. Знаменитый водный путь олицетворяет в русской культуре саму Россию, ассоциируется с ее пейзажным образом, во многом объясняет характер населения» [64, с. 117].

Автор показывает, что городской пейзаж имеет историческое и современное наклонения. С названным жанром связано формирование визуальной мифологии. Она нередко заимствуется медийными ресурсами, рассматриваемыми «городской пейзаж» как «банк креативных идей».

Работая над путеводителем для детей, Светлана Гришина создала сначала определенные про-

странственно-временные «карты», сконструировала «типовых героев» для каждого маршрута, олицетворяющих здешние места. Исследовательская работа сопровождалась театрализацией и креативными индустриями в виде макетов самостоятельно созданных детских путеводителей.

Использование философско-культурологических категорий представляется инструментально оправданным и для детского путеводителя. Это подтверждают проекты Гришиной, в том числе анализ десятков детских путеводителей: на русском, английском, немецком и испанском языках. Приведем некий краткий абрис концепции и конкретной работы по созданию специфического культурного жанра: путеводителя для детей.

Представим себе Буратино – одного из самых популярных героев детского мира, простака, всегда находящего свое счастливое пространство, свой Золотой ключик к Волшебной дверице. Бу-

Евгения Гранкина приложила немало сил к формированию типологии города в философско-культурологическом аспекте. Это – часть ее аспирантской работы.

Успешно работая в Самарской государственной областной академии Наяновой, Евгения Гранкина имеет несколько экзотических хобби, укрепляющих дух и помогающих выживать и быстро схватывать идеи. Например, она в одиночку путешествует по Кольскому полуострову. Исключительно конструктивно подготовлена своими прекрасными учителями, пишет и, мы уверены, напишет кандидатскую диссертацию.

Профессор Н.Ю. Лысова, рассматривая «Волжский исторический город в отечественной живописи XIX – начала XXI века», создает новую методику типологического описания центральных городов России – городов Поволжья.

Алексей Николаевич Толстой (1883–1945) родился в Самарской губернии, провел в городе отроческие и юношеские годы, жил в усадьбе на улице Саратовской (ныне улица Фрунзе) вместе с матерью Александрой Леонтьевной Тургеневой и отчимом Алексеем Анполоновичем Бостромом. Дом с садом стал теперь музеем Алексея Толстого – одним из богатейших инновационных музеев современной России. Перед домом установлена хорошо известная скульптура Буратино. Рядом с музеем А.Н. Толстого располагаются центральные площади города: площадь Куйбышева и Театральная площадь.

ратино будет сопровождать вас по первому маршруту: «От дома писателя на улице Фрунзе к Театральной площади». Основанием для выбора героя стали, во-первых, его необыкновенная популярность в любой детской аудитории, а во-вторых, присутствие в Самаре музея его создателя – писателя А.Н. Толстого.

Стремительный расцвет Самары в конце XIX – начале XX века состоялся благодаря исключительному транспортно-логистическому расположению города: в центре России, на перекрестке Европы и Азии, на Волге и на центральной железнодорожной магистрали всей страны. Особую роль в становлении города сыграло купечество, стремительно выросшее в группу, которая играла определяющую роль на городской сцене. Самарские купцы стремились европеизировать город. Они не только успешно торговали, но также строили театры и больницы, библиотеки и гимназии. Своим расцветом Самара обязана

купечеству с его умением быстро осваивать технологии и идеи, налаживать торговые пути и культурные связи. Самарский купец, который научился зарабатывать деньги и тратить их на развитие своего города, разумеется, не похож на простака Буратино, надеявшегося на чудо. Купцы стали «гениями места» в волжском городе, превратив его из скромного пристанского поселка в один из центральных волжских городов.

Маршрут второй – «От Хлебной площади к дому купцов Шихобаловых».

Буратино и купец, кажется, не имеют ничего общего с инженером, запускающим ракеты. Разве что все они любят Волгу, Жигули и песни под гитару. Маршрут третий – «От проспекта Победы к Ракете».

В годы войны главными людьми города были даже не военные, а инженеры – создатели самолетов и моторов. Многие из них были эвакуированы в «запасную столицу», как называли в годы Великой Отечественной войны Куйбышев (бывшую Самару). Город становится одним из индустриальных и заводских центров страны. Здесь работали сотни тысяч лучших заводских инженеров и мастеров. Индустриальная часть города располагалась на полустанке со странным названием Безымянка. Здесь выросли огромные жилые районы, удаленные от Волги и приближенные к своим производствам.

Маршрут четвертый – «Футбол» – начнется на строительной площадке, где возводят новый стадион к чемпионату мира 2018 года. Отсюда он придет на волжскую набережную – здесь пройдет сеанс мини-футбола для всех, кто захочет погонять мяч и показать свое мастерство. А закончится маршрут возле памятной доски на доме, где жил знаменитый футболист Ринат Хусаинов – «маленький танк», «летающий хозяин поля», которому «Крылья» подарили крылья».

И последний маршрут – «Жигулевская кругосветка». Его поведет «козочка редчайшая» из национального парка «Самарская Лука» и... с герба города. Не беремся описать все имеющиеся здесь уникальные растения,

Светлана Гришина написала пока еще только две работы, обе дипломные – по бакалавриату (2013) и по специалитету (2014). Ее научная и практическая тема – «Современный путеводитель для детей по городу». Исследовательские параметры: «диагностика», «хронотопия города» и «гении места». Поиск прототипов важен для формирования глобальных хронотопов. Например, среди прототипов сказки Алексея Толстого можно назвать великого поэта А.А. Блока, режиссера В.Э. Мейерхольда и других петербургских знакомых создателя самого популярного персонажа отечественной детской литературы.

всех животных, все таинственные пещеры и перечислить песни о разбойниках. Однако можно точно сказать, почему в Самаре вдоль национального парка «Самарская Лука» можно совершить кругосветное путешествие.

Вы сядете на мощные и устойчивые лодки, которые до сих пор называют «барками», или «баркасами». Отправитесь в «Жигулевскую кругосветку» от речного вокзала, а потом приплывете к нему вновь, но уже с другой стороны. По речной дороге будут и остановки в Жигулях. По горным тропам вас поведет «козочка редчайшая», белая и быстрая.

Тематика научной работы С. Гришиной основана на разработке нескольких полифонических хронотопов города и региона, создающих панорамное представление об антропологии места и времени. Различные пространственно-временные модусы систематизированы. Молодой исследователь использует в практической работе метод хронотопии.

Работа над проектом включает также изучение наиболее популярных медийных персонажей, прототипов популярных произведений детской литературы, в том числе «Приключений Буратино». При этом затрагиваются далеко не только детские представления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги подводить рано. Ссылаясь на прежние и вновь собранные материалы, формируя собственные идеи и гипотезы, мы искали и ищем ключевые философско-культурологические подходы к диагностике города. Работа над методологией пространственно-временных модусов – хронотопов, а также над их системой – хронотопией представляется нам актуальной, перспективной и будет продолжена.

Некоторые аспекты современной урбанистики при всей их значимости как бы не укладываются в ракурс наших гипотез. Мы согласны с Е.Г. Трубиной в том, что «городские культуры России по нарастающей становятся глобализованными, однако в том, как организуются события, можно проследить проявления зависимости от предшествующего строя» [81, с. 116]. Однако у нас иные предметы исследования и, главное, другая терминология. И мы полагаем, что она также имеет право на существование.

Очевидно, что глубинная связь города с меняющимся миром в современных условиях, так же как и в прошлом, ориентирует на сопоставление городов и городских практик в разных странах. Процессы глобализации

по-разному протекают в российских и восточноевропейских городах, азиатские города значительно отличаются от городов в других частях света. Общие урбанистические процессы не снимают цивилизационных и культурных различий, которые нам хотелось бы систематизировать как особые модусы городских пространств в городах разных стран и регионов.

Понятия «полифонические городские пространства» (то есть одновременно звучащие и согласованные в той или иной мере между собой) и «хронотопии», предложенные в настоящем проектно-аналитическом обзоре, могут стать основанием для нашего исследования, статей и монографии.

Хронотопия, по-нашему мнению, – определенный способ систематизации пространства-времени города во взаимодействии с городским сообществом. Хронотоп – только один из модусов хронотопии. Полифония хронотопов, отличающая любой малый или большой город, есть хронотопия.

К примеру, каждая группа горожан вырабатывает свой обыденный, профанный хронотоп: дом – школа – магазин – аптека и т. п. Однако это не исключает причастности той же группы городских жителей к историческим и глобальным хронотопам города: памятным местам, ландшафтным пространствам парков, музейному или театральному миру. Они «звучат» одновременно и в определенном константном согласии. Перефразируя М.М. Бахтина, скажем о хронотопе города, что «другие голоса» постоянно обсуждают и повторяют «чужими словами» другие городские пространства. Подобно этому историко-бытийный хронотоп может «звучать» в обыденных пространствах по-разному; историческое время может вполне интенсивно окрашивать глобальные образы города. «Старый город» не только может, но и должен активно взаимодействовать с ежедневностью, а может быть неопознаваемым для нее.

Самое примечательное состоит в том, что современный город и современное городское сообщество нуждаются в хронотопии, то есть одновременном и согласуемом звучании разных городских времен и

пространств. А также городам нужна теория и рефлексия научного и обыденного свойства, позволяющая опознать оптимальные либо неудачные пространственно-временные модусы. Известно, что одномерность и одноголосие пространства-времени города, сведенное к одной дороге «дом – работа – магазин», воспринимается не только как монотонность, но и как неволя и пустота. В плохо «разработанном» городе с неразвитым городским сообществом, тяготеющим к замкнутым, «лагерным» пространствам, жизнь кажется унылой. Игра городских пространств и времен, действительно подобная переключкам «голосов» в полифоническом романе или фуге, стала аналогом развивающегося, креативного города. Чем богаче хронотопия города, тем он более привлекателен для горожан. Интенсивность гражданской жизни запечатлевается в богатых полифонических и разнообразных городских пространствах.

В то же время свои «районно-квартальные» хронотопы вовсе не обязательно характеризуют идеальное городское сообщество; напротив, они могут быть неполифоничными и диссонантными: в одном районе замкнулись старожилы, в другом – мигранты. Дальше начинается «Вестсайдская история» Леонарда Бернштейна – война молодежи, пуэрториканцев против местных и тому подобные парафразы классических сюжетов, известных еще во времена Шекспира и разыгрывавшихся на городской сцене итальянской Вероны, с трагической гибелью Ромео и Джульетты в финале.

Быть может, неожиданно, но классика противостояния городских слов, семейств, кланов или районов отлично описывается и диагностируется через хронотопы и хронотопию.

Философско-культурологический подход специально не ориентирован на исчисление внешних сторон городской жизни, имиджевых мероприятий, продвигающих успешность руководителей региона или подтверждающих значимость «корпоративов». Предлагаемая диагностика не концентрируется также на экономических возможностях города по принципу «нет денег –

плохие дороги». Как известно, есть города, в которых и при наличии денег коррупционная составляющая столь высока, а горожане столь безгласны, что дороги будут плохими все равно, а средства растекутся неизвестно куда. При этом политики, как справедливо пишет один из исследователей нашего альманаха, выдвигают риторические оправдания с такими выражениями, как «национальный престиж», «ведущая роль России», «инновационный климат», «экономика знания». «В результате возникают гибридные стратегии организации крупных событий, объединяющие советские традиции официально санкционированных праздников и неолиберальные способы конструирования мест, нацеленные на извлечение прибыли» [81, с. 118].

Цивилизационные аспекты бытия, сближающие города разных типов, – направление для нас особенно близкое. Мы не раз ссылались на методологические подходы и идеи Ю.М. Лотмана, А.С. Ахиезера, И.М. Клямкина, И.А. Яковленко, Д.Г. Горина и их коллег. Надеемся на более тщательное изучение «про» и «контра» названных концептуальных подходов, суммируем выводы по типологии и хронотопии российских городов, представленные на страницах этого альманаха.

Прежде всего, выделим группу «срединных», центральных городов России, которые, не будучи столичными, обладают особым статусом городов крупных и устойчивых. Это города-миллионники, оснащенные промышленными, образовательными и культурными инфраструктурами. Они похожи по антропологии места и времени и характеризуются сходными пространственно-временными модусами. К названной группе российских городов, несомненно, относятся волжские города, заложенные, как правило, на рубеже XVI–XVIII веков по периметру складывавшегося Российского государства. Эти «срединные города» всегда выполняли охранные и колониальные функции. Они интегрируют и стабилизируют страну.

Историческое пространство значимо и заметно в этих городах: идет ли речь об увековечении подвигов горожан в Смутное время или о героях

Великой Отечественной войны, когда в большей или меньшей степени все города этой группы стали «запасными столицами» – принимали эвакуированные заводы, институты, спасали сотни тысяч людей.

Каждый из городов этой группы пережил несколько типовых цивилизационных сдвигов: предреволюционную капитализацию и интеграцию больших масс сельского населения; тотальный сдвиг советского времени, когда были перекодированы все уровни городских пространств, социальных коммуникаций и сменились практически все «локомотивные» группы.

Базовый символ русской культуры – Волга – если не уходит с авансцены советского времени, то бледнеет рядом с образами советских героев и великой, вольной страны. Перекодируются смыслы городских пространств, воспевающих теперь светлое будущее человечества.

Эти процессы породили идентификационные волны («кто был ничем, тот станет всем»), которые в больших и срединных городах России переживались особенно остро. Сметено купечество, что для таких городов, как Нижний Новгород, Самара, Ростов, стало настоящим крушением: эти города формировались как охранные крепости, а в XIX веке уже предстали как «карман России», ярмарки, торговые пристани. После революции городская смычка, привычная забота «о своих» смягчили многие тяжелые процессы. Это замечательно диагностирует В.П. Аксёнов в своем романе «Новый сладостный стиль»: купеческая дочка Ася Корбах, оставшаяся в Самаре без семейства после революции, неожиданно получает помощь от бывших служащих отца – ее устраивают по-свойски в партийную типографию, где она и проработала всю жизнь. Такая ситуация типична именно для этих городов, замешанных на «витамине» свояков.

Становление на городской сцене новых «локомотивных групп», связанных с индустрией и образованием, сделалось в советскую эпоху несравнимо более массовым. Рост вузов, потребность в инженерных кадрах, способных обслуживать новые производства, несомненно, преобразили

хронотопию города. Однако именно в этот период сложился и остался на долгие годы разлом между «старым городом» и «безымянкой». Стертые из городской памяти купечество и мещанство продолжали жить в новых поколениях инженеров, военных и врачей. Срединные города оставались более толерантными «к прежним», «к инородцам», «к эвакуированным», «к пленным» и т. д. в самые неподходящие времена.

Советское время породило новые пространства городов: типовые, огромные главные площади; типовые памятники, зовущие в будущее; типовые Ленинские, Московские и другие проспекты, застроенные уже после войны домами в стиле «сталинского ампира». Во всех городах были торжественные античные колонны дворцов культуры со скульптурами музыкантов и спортсменов, парки и выставки народного хозяйства, обильно украшенные монументальными образами героев. Они подавляли старую часть города с особняками, еще долго сохранявшими свою элегантность в стиле модерн, – ведь театры, музеи и новые институты власти располагались в старой части города, а не вблизи производств. Примечательно, что в западноевропейских городах театры нередко перемещаются в новые кварталы. На эту тему в следующем томе издания представлено исследовательское эссе социолога культуры и театроведа из Дюссельдорфа, директора Театрального музея доктора Винриха Майсциеса.

В тех срединных городах России, которые мы стремимся диагностировать, все остается в центре: власть, культура, армия. Собор или церковь на главной площади взорвали или убрали, но поместили в самом центре и рядом обком партии, главный штаб и старый театр.

В постсоветское время продолжается «борьба с самими собой». Горожане опять забыли о предшественниках и стали совсем другими. Вырастают целые районы коттеджей, поражающие своей роскошью и объемами. Застраиваются частными вилами территории национальных парков. Дороги и экологические системы (включая канализацию, воду) могут находиться

в «первобытном состоянии», однако фасады и внутреннее убранство представят все символы «евроремонта» (новые стеклопакеты, полы, мебель, а главное – дизайн в стиле high-technology). Разбитые дороги, ямы и мусор не исключают присутствия у порога такого коттеджа Land Rovere – модного и надежного внедорожника.

Характерно резкое размежевание пространств, доступных разным группам горожан, – большое количество как будто открытых, но на самом деле закрытых по финансовому или корпоративному признаку пространств (в сфере образования, медицины, культуры), новые идентификационные признаки власти (дорогие машины, особняки и другие признаки богатства); резкое размежевание во взглядах на глобальное пространство, как будто бы лишнее и враждебное для городов названной группы. Еще в 2000-е годы один из самых мощных регионов Европы – земля Северный Рейн – Вестфалия – имел свои представительства в этих сильных срединных городах: Нижнем Новгороде, Самаре, Ростове-на-Дону. Однако постепенно их деятельность сворачивалась, и теперь бюро сохранилось только в Нижнем Новгороде.

Индустриальные города – еще одна группа городов с особой хронотопией. Их экономическое и политическое состояние, как утверждают специалисты, различно. Мониторинги, выполненные под руководством профессора Н.В. Зубаревич и помещенные в наших обзорах, показывают, что среди индустриальных городов с населением от 250 до 500 тыс. жителей есть «живые», то есть экономически выгодные города; есть выживающие, а есть и вымирающие. Повсеместно заметно недовольство городского сообщества, потерявшего работу и защищенность советского времени, возмущенного толпами мигрантов и их развязным внедрением в городскую среду.

По мнению политологов и экономистов, некоторых из индустриальных лидеров можно считать и сегодня «столицами либерализма», как пишет профессор А. Аузан о Перми. По мнению Г.Е. Гун, южноуральские города

типа Магнитогорска и Челябинска, которые имели только индустриальную стратегию, направленную в будущее, теперь полностью зависли на этой стратегии прошлого. В индустриальных городах по привычке не поддерживается культура и сохраняется болезнь прошлого – страшный перекокс в сторону технических специалистов. Профессор Гун ссылается на принципиально новые программы развития и переориентирования городов в Америке или Германии, справедливо полагая, что ими должны интересоваться также российские индустриальные регионы.

Очевиден дефицит «полифонических пространств» в старых индустриальных городах южноуральского типа. В силу этого лучшее для жителей – это бегство «на дачу», «на речку» или «на озеро», «на рыбалку» и тому подобное. Возвращение к себе, к своему участку, цветам и огороду оказывается не только подспорьем, которое реально помогает выживать, но также пространством свободы и самовыражения.

Будущее индустриальных городов, несомненно, должно иметь культурную составляющую, например «свободную ментальность», позволяющую, как это было на легендарных Грушинских фестивалях, консолидировать всех горожан. Нет никаких сомнений, что будущее городов подобного типа зависит от модернизационных процессов. Хронотопия данных городов и районов должна быть более многообразной, включая память о прошлом, удобное устройство настоящего и глобальные стратегии будущего.

В контексте современных стратегий индустриальных городов мы довольно подробно изучали городской музей Новокуйбышевска и театр «Грань» в этом же экономически преуспевающем городе. Несмотря на востребованность, в этом городе много проблем, и прежде всего экологических. Однако музей и театр необходимы городу такого типа, что уже признано всем городским сообществом, хотя бы потому, что культура и память формируют отсутствующий в городе корпус гуманитарной интеллигенции. Режиссеры и актеры, журналисты и писатели создают и свои закрытые про-

странства, но неизбежно работают на город. Кто и как это делает в Новокуйбышевске, находятся ли в этом пространстве «гении места», в чем специфика «остановившегося времени» – эти и другие вопросы весьма актуальны.

Особый хронотоп – «индустриальная Атлантида», а именно переживание настоящего как потери и разрушения прошлого. «Индустриальная Атлантида» – это еще и потерянная экономическая и инженерная история, удаленная память об инженерах и мастерах. Эпоха индустриализации когда-то забыла о крестьянах и смыла память о купцах. Новые потребительские символы, олицетворенные в «евроремонте», торгово-развлекательных и офисных центрах, абсолютно стерли символику индустриального пространства.

Следы трагического величия «безымянок» вот-вот будут совсем потеряны: советская индустриальная история не запечатлена в современных музеях, не культивируется в праздниках, выставках и не играет никакой роли в повседневной жизни горожан. Единственный музей ГУЛАГа в Перми закрывают, уничтожая редчайшие экспонаты. Это несправедливо, если будет стерта память о прошлом – о нескольких поколениях производственников, брошенных войной на волжские земли, создававших «тыл» и «космос».

«Малые города» – это гигантский мир, лежащий, как правило, в культурном пограничье (между областями, между Европой и Азией, между Россией и Казахстаном и т. п.). Наша коллега диссертант Н.В. Барабошина убедительно показала бытийную, глобальную и профанную депрессивность. Она исследовала малые города с помощью хронотопов и ментальных карт. Например, студенты города Бузулука выделяют две точки на карте города, с их точки зрения – самые важные: вокзал и шоссе, ведущее из города. Пространства, сузившиеся в постперестроечное время (закрывшиеся предприятия и средние учебные заведения), выводят отъезд из города на уровень самого желанного события. В советские годы прекрасные школы малых городов позволяли поступать в столичные вузы, давали надежды на социаль-

ный лифт и продвижение. Так, почитаемый в Самаре профессор философии Вадим Николаевич Борисов, окончив среднюю школу в Бузулуке, поступил на философский факультет МГУ и возглавлял два десятилетия кафедру в академгородке Новосибирска, а потом кафедру философии в госуниверситете Самары.

Современные же выпускники средних школ малого города мечтают уехать из своего города, чтобы заработать на стройке большого города машину, а потом жениться в родном малом городе и продолжать неквалифицированную сезонную работу в большом городе. Они не видят для себя возможностей в современном малом городе, выделяют точки «вокзал» и «шоссе», но уезжать навсегда из малого города им некуда: «Кому мы нужны?..»

Постсоветское время по-разному переживается в столицах и малых городах. С точки зрения пространственно-временной диагностики чрезвычайно интересны так называемые «третьи столицы» – на этот статус претендуют Казань, Екатеринбург и еще несколько городов. Общим для них является интенсивное развитие тех пространств и синтез тех времен, которые, по нашему мнению, важны для современной хромотопии города. Мы приводим в пример глобальную тематику фестивалей, поддержку городских инициатив, профессиональную ориентацию на «синтез времен».

Разумеется, и в этих городах, имеющих активное городское сообщество, наблюдаются общие для современных российских городов проблемы: размежевание по экономическим признакам, потребительская ориентация, чудовищные транспортные проблемы. Однако желание сделать свой город лучше, опираясь на гражданскую активность людей и привлечение образованных и мобильных профессионалов, здесь очевидно преобладает.

Это видно по гуманитарным экспериментам или диалогу различных общественных сил, по расширению различных площадок для творчества горожан. Некоторые из городских пространств, вычеркнутые прежде из ду-

ховной жизни горожан, оказались вновь в центре их внимания, получив глобальное признание и обретя лоск. Именно в «третьих столицах», по нашим наблюдениям, стремительно растет полифония пространств и времен.

Столицы России – Москва и Санкт-Петербург – не только несопоставимы с любой другой группой городов, но и, как известно, значительно отличаются между собой.

Санкт-Петербург не только был и остается несравненным культурным, научным, портовым и промышленным городом мира, но и наращивает свой потенциал в подготовке персонала всех направлений и типов. Сегодня для приезжих модно не только посещать фестиваль «Белые ночи», но и учиться в Санкт-Петербурге. Образовательные пространства северной столицы разнообразны и качественны. Они представляют собой потенциал, которому, по нашему мнению, нет аналогов в мире.

Уместно будет сослаться уже в который раз на чрезвычайно важное в духовном и методологическом плане последнее интервью с Ю.М. Лотманом. Великий культуролог говорил, что Петербург – больше Европа, чем европейские города. Это очевидно, когда речь идет о культуре, архитектуре, ансамблевости города на Неве, но может дать неожиданные результаты применительно к исследованию полифонии образовательных пространств Санкт-Петербурга, в которых гипертрофировано и по-своему колонизировано европейское образовательное начало.

О современной Москве как одном из самых мощных и глобальных «коридоров мира» уже многое сказано современными исследователями и глубокими комментаторами. Из бескрайней московской полифонии мы выбрали именно то, что, как показал наш обзор, «работает» в нашей концепции полифонических пространств.

Классическая советская Москва репрезентируется мощнее всего «сталинским ампиром»: это символы власти, которые сконцентрировали пространство огромного города и выразили всю эпоху. На эту тему доцен-

Список литературы

том МГУ имени М.В. Ломоносова О.А. Зиновьевой написана прекрасная статья «Концепция времени и пространства сталинской Москвы: утопия и реальность». Вряд ли можно лучше изучить СССР, нежели по сталинским высоткам, сталинским панно в метро и городским проспектам, перекроенным по «кремлевскому маршруту».

Время постсоветской Москвы прочитывается по «евроремонту»: гигантским магистралям новых домов, тотальной массовой переделке строительной отрасли для более удобного оборудования квартир. «Евроремонт» выступает как индустрия, как производство, как эталон красоты и качество жизни, как новые границы пространства и времени. Живем как в Европе, живем как в глобальном времени. Гениальное наблюдение профессора Карла Шлёгеля: «евроремонт» – показатель и символ постсоветской Москвы.

Однако мы полагаем, что диагностика новых культурных пространств в Москве будет неполной, если не обозначить бесконечную полифонию пространств: «ночь в городе», «шансон», «фабрика звезд», а также рождение «новой оперы», о чем свидетельствуют, например, исследования профессоров Е.В. Дукова, А.М. Цукера, Е.С. Фёдоровой и других замечательных авторов. «Дорогая моя столица» – это целый мир глобального мира.

Мы постарались наметить и выявить наиболее интересные повороты хронологии в городах разных типов. Более подробно концепция будет освещена в статьях нашего авторского коллектива во втором томе настоящего сборника.

Таким образом, мы собираем шаг за шагом подходы к философско-культурологической диагностике городов, к их трансформациям и новому возвращению к самим себе. Хронотопия – многообещающий взгляд на город.

1. Алексушин (2012) Алексушин В.Г., Карлина А.А., Репинецкий А.И., Устина Н.А., Цлаф В.М. Историко-рефлексивный метод в стратегических разработках // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 22-27.
2. Ахиезер (1993) Ахиезер А.С. Диахронность и синхронность цивилизаций: теория и методология исследований (на примере России) // Цивилизации. – Вып. 2. – М., 1993.
3. Ахиезер (1998) Ахиезер А.С. Как искать специфику российского общества, или Было ли осевое время в России // Рубежи. – 1998. – № 3/4.
4. Ахиезер (1991) Ахиезер А.С. Критика исторического опыта (социокультурная динамика России). – М., 1991.
5. Ахиезер (2000) Ахиезер А.С. Переходные процессы в культуре // Искусство и наука об искусстве в переходные периоды истории культуры. – М., 2000.
6. Ахиезер (1998) Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
7. Ахиезер (2008) Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? / Изд. 2. – М., 2008.
8. Барабошина (2012) Барабошина Н.В. Малый город в России: как сохранить горожан в городе // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 33-39.
9. Бауман (1995) Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 2012. – 1995. – № 4. URL: <http://bgconv.com/docs/index-59403.html>.
10. Бауман (2008) Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

11. Бахтин (1975) Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975.
12. Браташова (2012) Браташова С.А. Одиссея раннего Саратова // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 40-49.
13. Бурлина (2011) Бурлина Е.Я. Бытие страны в зеркале жанров: русские жанры бытия. – Саарбрюккен, 2011.
14. Бурлина (1999) Бурлина Е.Я. Город – страна – планета. Дюссельдорф. – Дюссельдорф, 1999.
15. Бурлина (1995) Бурлина Е.Я. Город – страна – планета. Модели гуманизма в художественной культуре. – Самара, 1995.
16. Бурлина (1989) Бурлина Е.Я. Жанрообразование в искусстве как социокультурное явление: Дисс. ... докт. филос. н. – М., 1989.
17. Бурлина (1978) Бурлина Е.Я. Культура и жанр. – Саратов, 1978.
18. Бурлина (2011) Бурлина Е.Я. Самара в прозе В.П. Аксёнова и диагностика постсоветского города // Известия СНЦ РАН. – 2011. – Т. 13. – № 2. – с. 7-11.
19. Бурлина (2012) Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А. Волга и Самара: образы разного времени // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 8-17.
20. Волков Волков С. Шостакович и Сталин. Художник и царь. URL: <https://lib.rus.ec/b/257862/read>.
21. Воронина (2005) Воронина Н.И. Старый город в новой России. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2005.
22. Глазычев Глазычев В.А. Избранные лекции по муниципальной политике. Средовой подход в развитии города. URL: <http://www.glazychev.ru>.
23. Гнедовский Гнедовский М. Кризис – лучший стимул для креативной экономики. URL: <http://www.newslab.ru/news/article/291960>.
24. Голубинов (2012) Голубинов Я.А. Образ волжского города: от краеведения к регионалистике // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 54-60.
25. Голубков (1993) Голубков С.А. Гармония смеха: Комическое в прозе А.Н. Толстого: Очерки // Сборник. – Самара: Книжное издательство, 1993.
26. Голубков (1993) Голубков С.А. Комическое в романе Е. Замятина «Мы»: Монография. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1993.
27. Голубков (2012) Голубков С.А. Маркеры городских пространств, их смысл и функции // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 152-157.
28. Голубков (2010) Голубков С.А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века: Учеб. пособие. – Самара: Самарский ун-т, 2010.
29. Горин (2011) Горин Д. К феноменологии двоемыслия: метафизика культуры «диалектического материализма» // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/ neprikosnovennyj-zapas-78-42011/11250-k-fenomenologii-dvoemysliya-metafizika-kultury-dialekticheskogo-materializma.html>.
30. Город... Город и деревня в современном мире по данным ООН. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/barom01.php>.
31. Гун (2012) Гун Е.Г. Южноуральский город как социокультурный феномен // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 19-22.
32. Дуков (2012) Дуков Е.В. Городская культура России: новые веяния // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 23-27.

33. Дуков (2003) Дуков Е.В. Концерт в истории западноевропейской культуры. – М.: Классика-XXI, 2003.
34. Дюркгейм (1995) Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995.
35. Ермолин (2005) Ермолин Е.А. Миф города Ярославля // Старый город в новой России. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2005.
36. Ефимова (2012) Ефимова И.Н., Маковейчук А.В. Формирование эффективного имиджа Нижнего Новгорода как фактор развития его межрегиональных и международных экономических, научно-образовательных и культурных связей // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 78-83.
37. Жоголева (2012) Жоголева А.В. Самарские городские пространства эпохи становления постиндустриального общества // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 83-86.
38. Зиновьева (2012) Зиновьева О.А. Концепция времени и пространства сталинской Москвы: утопия и реальность // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 28-33.
39. Злотникова (2012) Злотникова Т.С. Время старого города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 34-44.
40. Злотникова (2007) Злотникова Т.С. Время «Ч» (Культурный опыт А.П. Чехова. А.П. Чехов в культурном опыте 1887-2007 гг.): Монография. – М. – Ярославль, 2007.
41. Злотникова (2010) Злотникова Т.С. Вторая ошибка Бога: Монография. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010.
42. Злотников (2005) Злотникова Т.С. Часть мира... Театр: Монография. – М. – Ярославль, 2005.
43. Злотникова (2003) Злотникова Т.С. Человек. Хронотоп. Культура: Курс лекций. – Ярославль, 2003.
44. Иливицкая (2012) Иливицкая Л.Г. Безымянка: в поисках самоидентификации // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 95-99.
45. Иливицкая (2012) Иливицкая Л.Г. «Быстрые» и «медленные» города: к постановке проблемы // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 44-48.
46. Каган (1982) Каган М. С. Время как философская проблема // Вопросы философии: – 1982. – № 10. – с. 117–124.
47. Казань... Казань как туристический город уже превосходит Москву – таково инфраструктурное сопровождение туризма. URL: www.echo.msk.ru/blog/prensa_echo/1353400.
48. Княгинин (2009) Княгинин В.Н. Возможности региональной кластерной политики в современных условиях // Актуальные вопросы формирования кластерных инновационных проектов. Необходимые меры государственной поддержки развития кластеров в Санкт-Петербурге: круглый стол. КЭРПИТ (Санкт-Петербург, 31.03.09). URL: <http://www.csrnw.ru/content/contacts/popup.asp?shmode=2&ids=1&idc=44>.
49. Кобозева (2013) Кобозева З.М. «Жестокие романсы» частной жизни. Семья и любовь. – Самара, 2013.
50. Кондаков (2012) Кондаков И.В. Пермь – закрытый город // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 54-62.
51. Конев (2012) Конев В.А. Многомерность городского пространства // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 168-173.
52. Конен (1968) Конен В.Д. Театр и симфония. – М., 1968.

53. Костромицкая (2012) Костромицкая А.В. Трансформация границ городского пространства: теоретический и практический аспекты // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 174-181.
54. Кривопалова (2012) Кривопалова Н.Ю. Особенности формирования нового имиджа Самары в первые послереволюционные годы // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 102-106.
55. Кузовенкова (2012) Кузовенкова Ю.А. Три образа Самары – три эпохи города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 107-109.
56. Кузовенкова (2009) Кузовенкова Ю.А. Город в идеальном измерении: от образа к имиджу: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. – Саранск, 2009.
57. Курина (2012) Курина В.А. Образовательное пространство в городской культуре // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 68-73.
58. Лакшин (1989) Лакшин В. Мир Булгакова. – М., 1989.
59. Лейбград (2012) Лейбград С.М. Самара – родина слонов (беглые литературные заметки о городе литературных беглых) // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 110-117.
60. Линч (1982) Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982.
61. Лисовец (2012) Лисовец И.М. Актуальные художественные практики в трансформации постсоциалистического города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 74-77.
62. Лихачев (1989) Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989.
63. Лысова (2012) Лысова Н.Ю., Бокурадзе Д.С. Театральное пространство как содержательная грань городской среды // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 129-134.
64. Лысова (2012) Лысова Н.Ю. Волжский исторический город в отечественной живописи XIX – начала XXI в. // Город и время: в 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 117-128.
65. Мигранов (2012) Мигранов М.С. Изменения в общественном сознании населения Уфы в первые послевоенные годы // Город и время: в 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 82-89.
66. Назван... Назван самый медленный город Германии. URL: <http://allbe.org/nazvan-samyj-medlennyj-gorod-germanii/>.
67. Новикова (2012) Новикова Н.Л. Идентификация человека в координатах городского пространства // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 90-94.
68. Паперный (2006) Паперный В. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.
69. Пермь... Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / Под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. Вступ. О.Л. Лейбовича. – Пермь, 2013. – 240 с. ISBN 978-5-85218-647-8.
70. Петровский (2012) Петровский М.С. Город и время: как вы понимаете? // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 183-186.
71. Рафикова (2012) Рафикова К.В. Музей как «место памяти» города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 139-145.
72. Римон (2012) Римон Е.Я. Времена и пространства Шмуэля Йосефа Агнона. URL: <http://echo.oranim.ac.il>.

73. Римон (2012) Римон Е.Я. Освящение времени: штрихи к описанию хронотипа малого города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 187-193.
74. Ростова (2012) Ростова А.В., Желнина Е.В. Отношение жителей моногорода к инновациям // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 149-156.
75. Руцинская (2012) Руцинская И.И. Образы поволжских городов в региональных путеводителях второй половины XIX – начала XX в.: особенности самопрезентации // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 157-162.
76. Самые... Самые быстрые и самые медленные города Европы. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/249574>.
77. Сванидзе Сванидзе Н. Суд истории. URL: <http://rutor.org/torrent/129018>.
78. Сиротина (2012) Сиротина И.Л. Пространства современного города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 107-114.
79. Соломина (2012) Соломина И.Ю. Социальная память города: формы запоминания и забвения // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – с. 163-167.
80. Толстой Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10 томах. Том 10. Публицистика. URL: <https://lib.rus.ec/b/317490/read>.
81. Трубина (2012) Трубина Е.Г. Мегасобытия как часть популярной культуры // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 115-121.
82. Федеральный... Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – № 202. – 8 октября.
83. Филиппов (2008) Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб., 2008. – с. 261.
84. Цукер (2012) Цукер А.М. Массовая музыка как образ времени // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 122-136.
85. Чичева (2012) Чичева С.Е., Абрамова А.С. «Исторический город и идентичность» // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 148-152.
86. Шиллинг (2012) Шиллинг Е. Хронотипы будущего у молодежи разных городов Европы (Кёльн, Самара, Берн) // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Т. 2. – Самара: Книга, 2012. – с. 213-226.
87. Шлёгель (2011) Шлёгель К. Террор и мечта. Москва 1937. – М.: РОССПЭН, 2011.
88. Шлёгель (2012) Шлёгель К. Возвращение европейских городов // Отечественные записки. – 2012. – № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/vozvrashchenie-evropeyskih-gorodov>.
89. Шмуэль (2004) Шмуэль Йосеф Агнон. Новеллы / Предисл. и коммент. Е. Римон. – Мосты культуры, 2004.
90. Donald (1997) Donald J. This, here, now: Imaging the modern city // Imagining Cities: Scripts, signs, memorials / Ed. by Sallie Westwood and John Williams. London, NY, 1997. P. 197.
91. Harvey (1989) Harvey David. From managerialism to entrepreneurialism: the transformation in urban governance in late capitalism. Geographiska Annaler, Series B, Vol. 71, 1989, pp. 3–18.
92. Levine (1998) R.V. A Geography Of Time: On Tempo, Culture, And The Pace Of Life / R.V. Levine. – Basic Books, 1998. – 280 p.

Оглавление

Content

Введение	3
Глава I	
Город в культурном пространстве и времени	10
1.1. Полифония городских пространств.....	11
1.2. Город во времени, время в городе	25
Глава II	
«Что ни город, то хронотоп»	43
2.1. Пространственно-временная типология городов.....	44
2.2. Волжские города: идентификационные волны	45
2.3. Город и Безымянка: пространственный разлом	56
2.4. «Непреодолимое прошлое» индустриальных городов Южного Урала	62
2.5. «Закрытый город» Пермь	65
2.6. «Дорогая моя столица»: от сталинского стиля к евроремонту.....	70
2.7. Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье.....	73
2.8. «Третьи столицы» – Казань, «Екат», Нижний и другие.....	75
Глава III	
К гипотезе пространственно-временной диагностики города	80
3.1. Полифония городских пространств: исследовательская платформа.....	81
3.2. Хронотопы прошлого, настоящего и будущего	88
3.3. «Инициатива ненаказуема»: креативные индустрии	94
3.4. Диагностика города и маркеры	100
3.4.1. Социокультурные институты города как маркеры	100
3.4.2. Художник как диагност города	105
3.4.3. «Цена вопроса».....	117
Заключение	128
Список литературы	141

Introduction	5
Chapter I	
The city in the cultural space and tim	10
1.1. Polyphony of urban spaces	11
1.2. The city in time, time in the city	25
Chapter II	
«Neither the city, the chronotope»	43
2.1. Spatially-temporal typology of cities	44
2.2. Volga cities: the identification wave.....	45
2.3. The city and «Bezemyanka»: spatial rift.....	56
2.4. «Irresistible» past of industrial cities: South Ural	62
2.5. «Closed city» Perm.....	65
2.6. «My Moscow»: 1930–1950 from Stalin Style to renovation	70
2.7. The chronotope of a small town city: Buzuluk – cultural Borderlands.....	73
2.8. «Third capitals» Kazan, «Ekat», Nizhny Novgorod and the other	75
Chapter III	
The hypothesis of space-time diagnostics of the city	80
3.1. Polyphony of urban spaces: research platform	81
3.2. Chronotopes of past, present, future.....	88
3.3. «Initiative is unpunishable»: creative industries.....	94
3.4. Diagnosis city and markers.....	100
3.4.1. Socio-cultural institutions of the city as markers	100
3.4.2. The artist as a diagnostician of the city	105
3.4.3. «Price of the question».....	117
Conclusion	128
Bibliography	141

Научное издание

*БУРЛИНА Елена Яковлевна
МАЙСЦИЕС Винрих
ИЛИВИЦКАЯ Лариса Геннадьевна
КУЗОВЕНКОВА Юлия Александровна
ГОЛУБИНОВ Ярослав Анатольевич
ГРАНКИНА Евгения Александровна
БАРАБОШИНА Наталья Владимировна
БОКУРАДЗЕ Денис Сергеевич
ШИЛЛИНГ Елизавета Юлиевна*

*«Полифония
городских пространств»
Интернациональный
научно-исследовательский альманах
Обзоры и концепция*

ТОМ 1

*Редактор, корректор Г.В. Загребина
Дизайн, верстка Е.А. Образцова*

*Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 70x100/16
Объем 9,5 п. л.
Тираж 100 экз. Рег. № 201/11
Заказ №*

*Отпечатано в типографии ООО «Медиа-книга»
443070, г. Самара, ул. Песчанная, 1
Тел. (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru*